

УДК 8.82-32

«СТРАШНОЕ» И «НЕПОНЯТНОЕ» В КОНТЕКСТЕ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА «СТРАХИ», «СТРАХ» И «ДОМ С МЕЗОНИНОМ»

© 2010 Л.Г. Петракова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 7 июля 2009

Аннотация: В статье сравниваются смысловые оттенки высказывания «Страшно то, что непонятно» в трех рассказах А.П. Чехова. Персонажи каждого из них наделяют эту фразу своим значением и по-разному оценивают свое место в мире.

Ключевые слова: смысл, страх, страшно, непонятно, жизнь.

Abstract: The article is devoted to the comparison of the shade of meaning of the statement «Scaring is what is incomprehensible» in three Chekhov's stories. The characters of each story endow this statement with their own meaning and determine the place of a man in the world.

Key words: meaning, fear, awfully, incomprehensible, life.

В прозе А.П. Чехова встречаются скрытые взаимодействия, прорастание и всеобщее «окликание» тем и мотивов [1, 110]. Исследование смысловых оттенков одного высказывания в трех чеховских рассказах, написанных в десятилетний временной промежуток, выявляет различные грани авторского взгляда на значимость чувства страха в жизни человека и закономерность смены акцентов в развитии писательского мировоззрения.

Мотив страха в прозе Чехова тесно переплетается с мотивом тайны. В 1886 году появился рассказ «Страхи», в котором рассказчик лексически объединяет понятие «страшно» с понятием «непонятно»: «Это явление страшно только потому, что непонятно... Всё непонятное таинственно и потому страшно» [2, 5, 188]. Эта мысль не раз повторится в последующих чеховских произведениях. Спустя 6 лет, в 1892 году, в рассказе с похожим названием «Страх» будет сказано: «Страшно то, что непонятно» (8, 130). А через десять лет, в 1896 году, в рассказе «Дом с мезонином» Мисюсь спросит у рассказчика: «А вам не страшно то, что не понятно?» (9, 180) — и получит отрицательный ответ.

О рассказе «Страхи» А.Н. Шехватова пишет: «Страх перед действительностью у Чехова не только характеризует героев, но и характеризует саму эту действительность, в которой необъяснимого и таинственного гораздо больше, чем понятного» [3, 86]. Тем не менее рассказчик признается: «За всё время, пока я живу на этом свете, мне было страшно только три раза» (5, 186), причем дважды причины страха были, по его словам, «ничтожными».

Эти страхи вызвали: огонек, мерцавший в самом верхнем ярусе колокольни и взявшийся непонятно откуда; товарный вагон, оторвавшийся от поезда и мчавшийся по рельсам со страшной быстротой; большая черная собака, встретившаяся в сумерках в лесу. Помимо того, что все страхи были вызваны маловажными событиями, у этих ситуаций есть и другие общие признаки: рассказчик испытывает чувство страха в определенное время суток (дважды — вечером и один раз — ночью). Сумерки подчеркивают безлюдность загородного пейзажа, что усиливает чувства, сопутствующие страху. Так, в первом случае рассказчика «охватило чувство одиночества, тоски и ужаса», точно его «против воли бросили в эту большую, полную сумерек яму» (5, 187-188). Ощущение страха каждый раз заставляет рассказчика бежать.

В первом случае разгадка видения огонька на колокольне не найдена. Второй эпизод дает иную развязку: «Странное явление было объяснено, и фантастичность его исчезла. Страх пропал, и я мог продолжать путь дальше» (5, 190). В третьем случае рассказчик, придя домой, узнал, что напугавшая его собака принадлежит приехавшему к нему приятелю. Таким образом, причина испытанного страха только в одном случае осталась неизвестной, и все случившееся как будто подтверждает умозаключение рассказчика в «Страхах»: «Глупо! — говорил я себе. — Это явление страшно только потому, что непонятно... Всё непонятное таинственно и потому страшно» (5, 188). Действительность для персонажа в большинстве жизненных ситуаций вполне познаваема, противоположные случаи редки, а потому и воспроизводятся в мельчайших подробностях. Таинственность в данном рассказе лишь подтверждает обыденность жизни.

Все три случая, описанные в рассказе, можно рассматривать как минимум с двух противоположных сторон: утверждающей причину страха как заслуживающую внимания и такой трепетной реакции, такого пронзительного испуга, который был описан, и наоборот, иронически оценивающей поведение рассказчика, поддающегося стереотипам восприятия «таинственных» ситуаций и действующего не с помощью здравого размышления, а находящегося под властью эмоций.

Высказывание «Страшно то, что непонятно» возникнет в рассказе «Страх» (1892), которому Чехов даст подзаголовок «Рассказ моего приятеля». Несмотря на то, что от «Страхов» упомянутое произведение отделяют шесть лет, у них много общего.

Оба рассказа с похожими названиями описывают хорошо известное их героям чувство, охарактеризованное одинаковыми словами — «Страшно то, что непонятно», но вызванное противоположными причинами. В «Страхах» рассказчик охвачен этими чувствами в экстраординарные моменты своей жизни, которых насчитывается всего лишь три. Дмитрий Петрович Силин в рассказе «Страх», наоборот, пребывает во власти страха, который внушает ему сама жизнь — ежедневно, ежеминутно, ежесекундно. Он боится обыденности, обычности, обыкновенности происходящего. Разговор на эту тему между рассказчиком и Силиным происходит при условиях, напоминающих те, в которых зарождались «страхи» из одноименного рассказа.

В «Страхе» разговору о «страшном и непонятном» предшествует описание вечера с густыми и белыми клочьями тумана, которые «бродили над рекой, заслоняя отражения звезд и цепляясь за ивы. Они каждую минуту меняли

свой вид, и казалось, что одни обнимались, другие кланялись, третьи поднимали к небу свои руки с широкими поповскими рукавами, как будто молились» (8, 130).

Наблюдая эту причудливую картину, Дмитрий Петрович спрашивает у собеседника: «Скажите мне, дорогой мой, почему это, когда мы хотим рассказать что-нибудь страшное, таинственное и фантастическое, то черпаем материал не из жизни, а непременно из мира привидений и загробных теней?

— Страшно то, что непонятно.

— А разве жизнь вам понятна? Скажите: разве жизнь вы понимаете больше, чем загробный мир?» (8, 130)

Рассказчик «Страха» словно повторяет формулу рассказчика в «Страхах», ограничивая область страшного и непонятного традиционными штампами. Если высказывание «Страшно то, что непонятно» в «Страхах» подразумевало только исключительные ситуации, то в «Страхе» есть и другая точка зрения. Для Дмитрия Петровича Силина область непонятного равна всему окружающему миру: «Что и говорить, страшны видения, но страшна и жизнь. Я, голубчик, не понимаю и боюсь жизни» (8, 131).

Явления, по поводу которых был испытан страх, в «Страхах» — необычные, редкие, исключительные, в «Страхе» — повседневные, и от этого переживаемое чувство становится еще более пронзительным.

Иначе относятся к высказыванию «Страшно то, что непонятно» персонажи рассказа «Дом с мезонином» (1896). Женя Волчанинова (Мисюся) сообщает художнику о произошедшем в деревне чудесном выздоровлении старухи, на что он отвечает: «Это не важно... Не следует искать чудес только около больных и старух. Разве здоровье не чудо? А сама жизнь? Что не понятно, то и есть чудо» (9, 180). Этим высказыванием художник, казалось бы, близок Силину, но его ответ на следующий вопрос: «А вам не страшно то, что не понятно?» (9, 180) — не имеет ничего общего с мировоззрением персонажа «Страха»: «Нет. К явлениям, которых я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь им. Я выше их. Человек должен сознавать себя выше львов, тигров, звезд, выше всего в природе, даже выше того, что непонятно и кажется чудесным, иначе он не человек, а мышь, которая всего боится» (9, 180).

Слова художника, ставящие человека выше чего бы то ни было, прямо противоположны высказыванию Силина в «Страхе»: «Когда я лежу на траве и долго смотрю на козлявку, которая родилась только вчера и ничего не понимает, то мне кажется, что ее жизнь состоит из сплошного ужаса, и в ней я вижу самого себя» (8, 131).

В «Страхе» и в «Доме с мезонином» отношение персонажей к одним и тем же вещам совершенно разное. Однако судьбы обоих трагичны, каждый из них по-своему несчастен в любви.

Итак, в рассмотренных рассказах одни и те же высказывания возникают и по отношению к исключительным ситуациям, никак не влияющим на дальнейшую жизнь персонажа («Страхи»), и в связи с ежедневными событиями, сущностно значимыми для него («Страх»). Чеховские герои по-разному оценивают свое место в мире, отрицая или признавая наличие сферы чудесного. Если в «Страхах» и «Страхе» они оказываются целиком во власти собственного иррационального чувства, то в рассказе «Дом с мезонином» художник-рассказчик оценивает человека как величину самодостаточную.

*Петракова Л.Г.
Воронежский государственный педагогический университет.
Аспирант.
e-mail: petrakova_lg@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова: 2-е изд., доп. / И.Н. Сухих. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. — 492 с.
2. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30-ти т.; Сочинения: в 18-ти т. Письма: в 12-ти т. / А.П. Чехов. — М.: Наука, 1974-1983. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках, с указанием номеров тома сочинений и страниц.
3. Шехватова А.Н. Мотив в структуре чеховской прозы: дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Шехватова. — СПб., 2003. — 218 с.

*Petrakova L. G.
Voronezh State Pedagogical University.
Post-graduate student.*